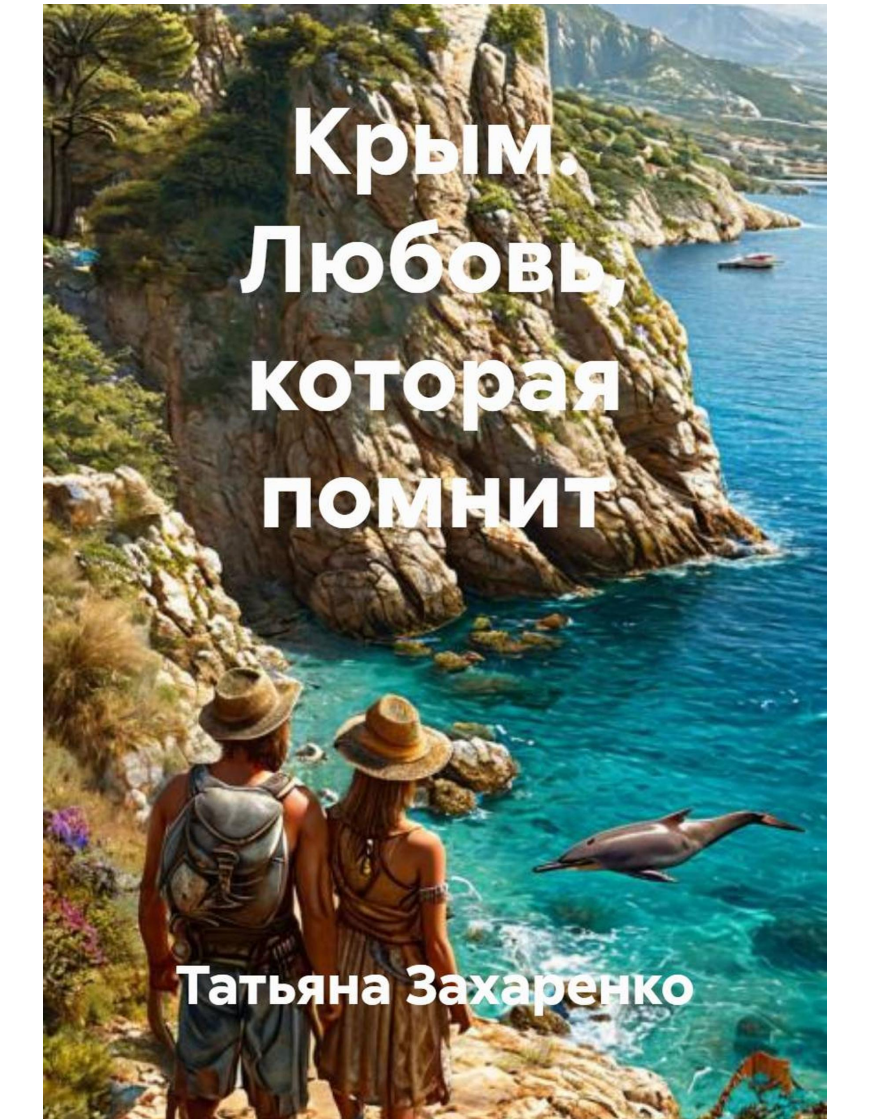

A romantic coastal scene in Crimea. In the foreground, a man and a woman stand on a rocky cliff, looking out at the sea. The man is wearing a hat and a backpack, and the woman is wearing a hat and a dress. In the middle ground, a dolphin is leaping out of the turquoise water. The background features a steep, rocky cliff with sparse vegetation and a small boat in the distance. The sky is clear and blue.

Крым. Любовь, которая ПОМНИТ

Татьяна Захаренко

Татьяна Захаренко

Крым. Любовь, которая помнит

<https://litres.ru/73600594>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она искала тишину. Он – приключений. Их отдых в Крыму начинается с тихих дней на пляже, но быстро превращается в опасный квест. Старинная карта, монеты, ракушки и ключ ведут Веру и Прохора по следам Марко Поло.

Но чем дальше они идут, тем яснее Вера понимает: это не просто поиск сокровищ. Это поиск себя. Во сне к ней приходит Марко Поло и называет её Лавинией — той, кого он любил. Чтобы вспомнить, она должна пройти три места силы Крыма и вспомнить имя, которое дала ему.

Погони, тени прошлого и хранители, следящие за каждым шагом, – всё это испытание для их чувств. Сможет ли Вера открыть сердце новому человеку, когда её душа всё ещё помнит любовь, которой семьсот лет? И сможет ли Прохор принять её прошлое, не боясь, что оно окажется сильнее настоящего?

Это роман о любви, которая не боится времени. О памяти. О Крыме. И о людях, которым предстоит сделать выбор: остаться в тени прошлого или шагнуть навстречу друг другу.

Для тех, кто верит, что настоящая любовь не умирает. Она ждёт.

Татьяна Захаренко

Крым. Любовь, которая помнит

КНИГА ШЕСТАЯ

КРЫМ. ЛЮБОВЬ, КОТОРАЯ ПОМНИТ

*Посвящается Крыму –
земле, где море встречается с небом,
где живут люди любящие свою землю,
и где лаванда пахнет вечностью.*

ТИХАЯ БУХТА

Несмотря на осень, жара в этот день стояла немыслимая. Даже стрекозы, обычно мельтешащие над высохшей травой, попрятались в тени можжевельников кустов. Вера и Прохор лежали на горячем песке Тихой бухты, и мир для них сузился до двух вещей: шума прибоя и спасительной прохлады, идущей от влажного полотенца.

Тихая бухта раскинулась перед ними широкой подковой. Слева и справа её обнимали скалы из серого известняка, изрезанные трещинами и карстовыми промоинами. За долгие

века ветер и вода выточили в них причудливые формы: одни напоминали застывших драконов, другие – раскрытые каменные книги. Берег был сложен из крупной гальки и золотистого песка, который приятно хрустел под ногами. Вода здесь, даже в бархатный сезон, оставалась прозрачной и чистой, а на глубине переливалась всеми оттенками синевы и зелени. Бухта действительно была тихой: волны сюда заходили редко, и лишь лёгкая рябь пробегала по водной глади, когда на море поднимался ветер.

– Знаешь, а ведь именно здесь я оставила кусочек своего сердца, – сказала Вера, не открывая глаз. Её голос был тих, как шелест волны, набегающей на берег.

Прохор приподнялся на локте и с пониманием посмотрел на неё.

– Сердце... – повторил он, глядя на море. – В таких местах это случается. Тишина, скалы, вода... Есть в этом что-то настоящее.

– Я, конечно, люблю тишину. И здесь она особенная. Скалы будто поют, – она села, обхватив колени руками. Взгляд её устремился в морскую даль, где небо встречалось с водой в дрожащей дымке. – Но не в этом дело...

Она замолчала, вслушиваясь в едва уловимый гул, что рождался где-то в каменных лабиринтах берега. Прохор ждал, чувствуя, что сейчас услышит нечто важное.

– Это случилось позапрошлым летом, – наконец произнесла Вера. – Я приехала сюда одна. Сбежала от городской

суеты, от бесконечных звонков, от диссертации, которая снилась по ночам. Думала, просто полежу на пляже, искупаюсь, почитаю книги. Но всё вышло иначе.

Она помолчала, собираясь с мыслями.

– В первый же день я заплыла далеко за буйки. Вода была прозрачная, как слеза, и вдруг я заметила его. Сначала просто темный силуэт, скользящий под водой. Сердце ухнуло в пятки от страха: «Акула». Знаешь, в первые секунды всегда думаешь о самом плохом. Но потом из воды показалась любопытная морда с умным, смеющимся глазом.

Проход молчал, прищурившись от солнца. Вера редко рассказывала о себе так откровенно.

– Судя по размеру, это был молодой дельфин... Он не уплывал, – продолжала Вера, глядя на линию горизонта. – Кружил вокруг меня, то приближаясь, то отдаляясь, словно приглашал в игру. А я... я перестала грести и просто легла спиной на воду. Представляешь? Совсем рядом с диким дельфином. Но страха не было. А потом он подплыл совсем близко и ткнулся мягким носом мне в плечо. Так всё и началось.

Проход слушал, прищурившись от солнца.

– Я назвала его Гром, – улыбнулась Вера. – За то, как он рассекал воду. Мощно, стремительно, поднимая целую тучу брызг. Всю неделю ровно в полдень он приплывал ко мне. Я держалась за его спинной плавник, и мы неслись вдоль берега, разрезая волны. Чувствовала себя русалкой. Свободной.

Сильной. Счастливой.

Она вздохнула.

– В те минуты я забывала обо всём. О вечной спешке, о телефоне, который валялся на дне рюкзака. Были только я, море и Гром.

– А потом? – тихо спросил Прохор, хотя уже догадывался.

– А потом он исчез, – голос Веры дрогнул. – Я прождала его три дня. Всматривалась в горизонт до рези в глазах, заплывала далеко в море, звала. Но море молчало. Я уехала из Судака с щемящей грустью. Убеждала себя, что это был просто подарок судьбы. Мимолетное чудо, которое не может длиться вечно.

– Ну и где же теперь твое сердце? – вывел её из задумчивости голос Прохора. – В тех скалах? Или ты его дельфину отдала? – недоверчиво сказал он.

Вера улыбнулась уголками губ, но ничего не ответила. Она почувствовала, что Прохор не поверил ей. А может, и поверил, но ревность всё равно взяла верх. Спорить и убеждать не в её правилах, да и не хотелось. Пусть остаётся при своём мнении.

Она встала, отряхнула песок с полотенца и решительно направилась к воде. На ходу натянула гидрокостюм, поправила маску, проверила пояс, где висел подводный фонарик.

– Идем. Хочу поплавать перед обедом.

Они плавали молча. Вера чувствовала, как соленая вода смывает усталость. И вдруг метрах в двадцати от них поверх-

ность моря вскипела. Два грациозных тела взмыли в воздух, сверкнули на солнце мокрыми боками и снова ушли под воду.

– Вера, смотри! Дельфины! – выдохнул Прохор, и в голосе его послышалось изумление.

Они приближались. Не боязливо, не огибая людей, а целенаправленно, плывя прямо на них. Вера замерла, чувствуя, как бешено колотится сердце. Один из дельфинов был крупнее и плыл чуть впереди. Он поднырнул под Прохора и Веру, вынырнув ровно между ними. Вода забурлила, и на мгновение Вера потеряла его из виду в потоках пены.

А в следующую секунду дельфин уже был рядом с ней. Он ткнулся мягким носом в плечо. Точно так же, как когда-то. Как два года назад.

Второй дельфин держался чуть поодаль, издавая короткие свисты, словно подбадривая первого или охраняя их встречу.

Вера смотрела то на одного, то на другого и не верила своим глазам. Конечно, все дельфины похожи, но этот жест... эту нежность невозможно было подделать.

Она перевела взгляд на левый бок Грома, чуть ниже спинного плавника. Там, на темной гладкой коже, выделялся неровный белесый шрам, длинный, похожий на росчерк молнии, раньше этой отметины у него не было.

– Гром, – прошептала она, и голос её дрогнул. – Милый Гром.

Слезы навернулись на глаза.

Дельфин будто ждал этого звука. Он издал высокий, переливчатый свист и снова прикоснулся носом к её плечу.

– Ты узнаешь его? Это твой Гром? – изумленно спросил Прохор, на всякий случай, отодвигаясь ближе к берегу. – Вера, это опасно!

– Тише, – она положила руку на мокрую спину дельфина. – Знакомься, Прохор, это Гром.

В этот момент Гром сделал нечто странное. Он отплыл от Веры и подплыл к Прохору, застыв на месте, буквально уставился на него своим круглым черным глазом. Повисла пауза. Казалось, дельфин о чем-то спрашивает, оценивает, ждет разрешения.

– Чего он хочет? – растерянно спросил Прохор, чувствуя себя неуютно под этим немигающим взглядом. – Нападет?

– Прохор, он просит твоего позволения, – вдруг поняла Вера. – Он не хочет нарушать наш покой. Он узнал меня, но видит, что я здесь не одна. Смотри, он спрашивает у тебя.

– Спрашивает? – Прохор хмыкнул, но в глазах его мелькнуло уважение. – Ладно, плывите уж. Только недолго и близко к скалам не заплывайте, Верочка!

– Не беспокойся, всё будет хорошо! – крикнула Вера, уже обхватив рукой спинной плавник Грома.

И они рванули с места. Вода закипела под ними, ветер зашвистел в ушах. Мир сузился до ощущения полета, до синевы и солнца. Прохор с берега уже казался маленькой точкой.

Вера обернулась, помахала ему рукой. Она улыбалась, но в глазах блестели слезы. Это был не страх. Это была радость встречи с чудом, которого она ждала целых два года. Кусочек сердца, оставленный здесь, снова бился в унисон с морским прибоем.

Гром уверенно вёл её вдоль берега, туда, где скалы подступали к самой воде. Они обогнули небольшой мыс, и перед Верой открылось то, чего она раньше не замечала: узкая расщелина в скале, почти скрытая нависающими кустами можжевельника. Гром замер у входа, тихонько свистнул и кивнул головой, словно приглашая внутрь.

Вера отпустила плавник и заглянула в расщелину. За ней оказался небольшой грот. Солнечные лучи проникали сквозь толщу воды, рисуя на каменных стенах причудливые блики. Когда глаза привыкли к полумраку, она ахнула. Стены грота были покрыты древними рисунками и надписями. Полустертые изображения дельфинов, людей, какие-то знаки, похожие на буквы древнегреческого алфавита.

Гром плавал рядом, издавая короткие свисты. Казалось, он рассказывал ей свою историю. Вера вдруг поняла: этот грот связан с его шрамом. Наверное, именно здесь он запутался в старых рыбацких сетях. Долго бился, рвал снасти. А когда, наконец, вырвался, на боку осталась глубокая рана. А потом прятался в гроте, зализывая её вдали от чужих глаз.

Она протянула руку, погладила дельфина по голове.

– Ты привел меня сюда не просто так, да? Ты хочешь, что-

бы я увидела это.

Гром издал довольный свист и нырнул в глубину, описав круг почёта вокруг Веры. А она, достав из-за пояса подводный фонарик, подплыла к стене, чтобы рассмотреть древние письма. Её сердце колотилось уже не от радости встречи, а от предчувствия нового открытия. Тихая бухта хранила тайну, и Гром привел её именно сюда.

Стена грота оказалась не просто камнем, а настоящим полотном, на котором древний мастер оставил послание сквозь века. Вера поднесла фонарик ближе. Свет выхватил из темноты фигуры людей в длинных одеяниях, тянущих руки к солнцу, и дельфинов, парящих в волнах. Но главное было не в рисунках. Поверх них, аккуратными, почти печатными буквами кто-то выбил несколько строк на древнегреческом.

Вера лихорадочно шарила по карманам гидрокостюма. Фотоаппарат остался на берегу! Пришлось полагаться на память. К счастью, она узнала несколько слов: «Таврида», «путь», «сокровище». Другие ускользали от понимания, но она водила пальцем по буквам, стараясь запомнить каждую закорючку.

Гром тем временем подплыл к противоположной стене грота и принялся тереться носом о небольшой каменный выступ. Он делал это настойчиво, раз за разом, привлекая внимание Веры.

– Что там? – прошептала она, подплывая ближе.

Присмотревшись, она заметила, что выступ вовсе не есте-

ственного происхождения. Это был грубо обработанный камень, плотно вставленный в расщелину. Снизу, едва заметные, виднелись следы какого-то инструмента.

Вера взялась за камень обеими руками и потянула. Он не поддался. Тогда она нашла опору для ног в расщелине и, собрав все силы, рванула.

Камень медленно, со скрежетом, поддался. Из образовавшейся ниши ударил поток мелких пузырьков, а следом за ними выплыл небольшой предмет, тускло блеснувший в свете фонаря.

Амфора.

Маленькая, изящная, покрытая вековыми известковыми наростами, но совершенно целая. Вера схватила её и прижала к груди. Сердце колотилось где-то в горле.

– Гром... – выдохнула она, обернувшись к дельфину. – Ты поэтому привел меня сюда?

Гром издал серию коротких свистов, описал круг и направился к выходу из грота, то и дело оглядываясь на Веру. Пора было возвращаться. Прохор, должно быть, уже с ума сходил на берегу.

Вера бросила прощальный взгляд на древние письмена, одной рукой зажала амфору под мышкой, а другой взялась за плавник Грома – и они поплыли, рассекая волны.

Гром вел её вдоль берега, туда, где из воды высоко торчал одинокий камень-островок. Прохор уже давно выбрался на камень и теперь вглядывался в горизонт, продрогший, но не

замечая холода.

– Вера! Ты где была?! Почему так долго! – закричал он, когда она подплыла.

Вера подплыла к камню, отпустила плавник и обернулась к Грому. Дельфин ткнулся ей в плечо, сделал кувырок в воздухе и поплыл к тому дельфину, что ждал его чуть поодаль. Два силуэта скользнули в глубину и исчезли в синеве.

Вера выбралась на камень, тяжело дыша, и осторожно положила амфору на нагретую солнцем поверхность. Потом подняла глаза на Прохора. В них плясали солнечные зайчики пополам с безуминкой настоящего искателя приключений.

– Это что?.. Древняя амфора? Откуда? – выдохнул Прохор, разглядывая находку.

– Подарок Грома. Он привез меня в грот, – Вера перевела дух и начала рассказывать: – Там, внутри, на стенах неплохо сохранились древнегреческие письмена и рисунки. Люди, дельфины, какие-то знаки. Как жаль, что у меня не было фотоаппарата! Но я запомнила несколько слов: «Таврида», «путь», «сокровище». А эту амфору Гром нашел. Вернее, показал мне тайник в стене.

– Помнишь, я говорила, что оставила здесь кусочек сердца? – улыбнулась она. – Так вот. Кажется, нашелся не только он.

Прохор слушал, открыв рот. Он переводил взгляд с амфоры на Веру и обратно. На амфоре явно был нарисован чей-то герб: три черные галочки, птички на серебряном поле.

– Интересно, чей это герб и чье судно разбилось возле берегов Судака?

– Это нам теперь и предстоит узнать. Ну что, поплыли к берегу. Сходим пообедаем и вечером в Судацкую крепость...

ГЕНУЭЗСКАЯ ТВЕРДЫНЯ

Вера и Прохор стояли у подножия Судацкой крепости. Огромные зубчатые стены взбирались по скалистому конусу горы, башни грозно возвышались над окрестностями. Генуэзская твердыня, возведённая на месте византийских укреплений в XIV веке, дышала историей. Здесь, на скалистом мысе, когда-то кипела жизнь: торговали, воевали, заключали союзы. Судака помнил хазар и половцев, генуэзских купцов и турецких янычар.

– Ну и громадина, – Прохор задрал голову, разглядывая зубчатые стены. – И как они это всё построили?

– Камнями, – рассеянно ответила Вера.

Прохор покосился на неё и усмехнулся про себя. Ладно, скоро всё узнаем.

– Представляешь, эта гора – окаменевший коралловый риф, – сказала Вера, показывая на скалы. – Ей сто пятьдесят миллионов лет. А стены помнят и генуэзцев, и турок, и даже Потёмкина.

– Потёмкин? – оживился Прохор. – Тот самый, который

«потёмкинские деревни» строил? Интересно, он тут тоже что-то декорировал?

Вера улыбнулась краешком губ.

– Не знаю. Но казармы для своего полка здесь построил.

Они купили билеты и направились к главному входу. Сначала их встретил барбакан – предмостное укрепление, где когда-то несли стражу генуэзские арбалетчики. За ним возвышались главные ворота – полуовальный проем между двумя привратными башнями.

Пройдя ворота, они стали подниматься по каменистой тропе к Консульскому замку. Вера то и дело останавливалась, разглядывая башни.

– Смотри, у каждой есть название. Башня Паскуале Джудиче, башня Коррадо Чикало, – читала она таблички. – Генуэзцы строили, но до них тут были византийцы, хазары, даже римляне...

– Римляне? – Прохор присвистнул. – Вот это да. Значит, когда римские legionеры стояли здесь, они смотрели на это же море. И мы теперь здесь стоим.

Она замолчала, заметив, что от основной тропы в сторону ответвляется едва заметная тропинка, ведущая к другой башне, полускрытой зарослями. Табличка на ней почти стерлась, но несколько букв можно было разобрать: «Астаг...»

– Астагуэра, – прочитала Вера вслух.

– Красивое имя, – сказал Прохор, вглядываясь в заросли. – Похоже, туда мало кто ходит.

– Ну, мы же не ищем лёгких путей, – подмигнула ему Вера.

Они пошли дальше, и тут их внимание привлекли сувенирные лотки.

– Вера, иди сюда! – позвал он. – Смотри, какие карты Тавриды продают. Может, пригодятся.

Вера подошла, взяла в руки одну карту и вдруг замерла. Её взгляд уперся в изображение в углу – вензель типографии, стилизованный под старинный герб. Три птички. Тот же знак, что на амфоре.

– Прохор... – голос её дрогнул. – Посмотри.

Он нагнулся, вглядываясь. Сердце ёкнуло.

– Это же... – он не договорил. Вера уже доставала телефон, где был снимок амфоры. Сомнений не оставалось.

Продавец, пожилой крымчанин с седыми усами, заметил их оживление.

– Что, ребята, знак знакомый? Это фамильный герб семьи Поло.

– Известный путешественник Марко Поло был здесь.

– В Судаке отец Марко – Никколо и его дядя Маффео в середине XIII века торговали, а потом отправились в Китай. Однако, есть одна легенда, – продолжил продавец, понизив голос. – Когда судно с братьями Поло подходило к Судаку, оно налетело на камни. Разбилось вдребезги. Братья остались ни с чем.

– И что потом? – спросил Прохор, чувствуя, как внутри

загорается азарт.

– А когда через много лет Никколо вернулся с сыном Марко, они объехали пол острова. Что-то искали.

– Нашли? – подал голос Прохор.

– Легенда умалчивает, – развёл руками продавец. – А говорят ещё, – он сделал многозначительную паузу, – что Марко в той старой башне что-то спрятал. Сейчас туда уже давно никто не ходит. А те, кто пытался...

Он замолчал, покрутил головой.

– Что – кто пытался? – спросил Прохор.

– Да мало ли, – уклончиво ответил продавец. – Легенда, она и есть легенда.

– Нам тогда пригодится ваша карта, – Прохор полез в карман за деньгами. – Будем знать, куда идти.

– Берите, берите, – продавец свернул карту и протянул ему. – Мало ли что найдёте. Может, именно вам повезёт.

Они отошли от прилавка. Вера оглянулась – продавец уже разговаривал с другими туристами. Но ей показалось, что кто-то ещё смотрит на них. Мужчина в бейсболке и кепке, стоявший у стены мечети, быстро отвернулся.

– Заметил? – тихо спросила Вера. – Тот тип в кепке. Он нас с самого входа пасёт.

– Думаешь? Надо проверить, – задумался Прохор. – Главное – делай вид, что мы ничего не замечаем.

Они поднялись к цитадели. Отсюда открывался необыкновенный вид на всё побережье – синее море уходило к го-

ризонту, сливаясь с небом. Внизу, у подножия горы, белели домики Судака, а дальше, за мысом, угадывалась знакомая Тихая бухта.

– Невероятно! – выдохнул Прохор. – Стоило того, чтобы лезть наверх.

Он обнял Веру за плечи, но глазами показал ей в сторону – мужчина в кепке поднялся следом и теперь делал вид, что фотографирует виды.

– Идём, – шепнул Прохор. – Пора.

Они двинулись по внутреннему двору Консульского замка. Прохор постоянно оглядывался, словно ища подходящее место.

– Смотри, – он указал на массивную башню.

Они подошли к донжону – главной башне Консульского замка, сложенной из серого известняка. Решили заглянуть туда. Внутри было прохладно и полутемно. Узкая каменная лестница вела вниз – в подвальные помещения.

– Здесь, во время войн, жил консул, – прочитала Вера на табличке. – Он не имел права покидать крепость ни на одну ночь.

Прохор не слушал. Он заметил, что мужчина в кепке тоже вошёл внутрь и теперь стоял у входа, делая вид, что изучает карту.

– Идём, – взял Прохор Веру за руку и потянул вниз по лестнице.

– Куда? – удивилась она.

– Смотри под ноги, – шепнул он. – Там внизу есть интересные комнаты.

Они спустились в подвальный этаж. Здесь было несколько помещений – бывшие склады, караульная, маленькая камера с решёткой на окне. В одной из комнат стоял массивный деревянный стол и скамьи – видимо, когда-то здесь обедала стража.

Прохор огляделся. В одну из комнат вела тяжёлая дверь с огромным железным засовом снаружи. То, что нужно.

– Вера, иди сюда, – тихо позвал он.

Она подошла. Прохор взял её за руку и отвёл в дальний угол коридора, за каменный выступ.

– Стой здесь тихо. И не высовывайся, – шепнул он.

– Что ты задумал? – испуганно спросила Вера.

– Не беспокойся. Сейчас увидишь.

Он вернулся к двери, распахнул её настежь, отошёл в тень коридора и замер.

Сверху слышались шаги. Мужчина в кепке спускался, стараясь ступать бесшумно. Прохор затаил дыхание, прижавшись к стене.

Когда фигура показалась в коридоре, он бесшумно выскользнул из укрытия и оказался у преследователя за спиной. Тот даже не успел обернуться – Прохор толкнул его в плечо, мужчина споткнулся о каменный выступ и влетел в открытую комнату.

– Что за чёрт! – начал было он, но Прохор уже захлопнул

дверь и с грохотом опустил тяжёлый железный засов.

– Извините, – сказал он спокойно. – Посидите тут немного. Подышите воздухом. Подумайте о истории крепости.

Из-за двери донеслась приглушённая ругань.

– Я буду жаловаться! Откройте дверь!– закричал мужчина.

– Обязательно, – пообещал Прохор. – Когда закончим свои дела. А пока – не шумите, а то смотрители прибегут, будете объяснять, почему вы заперлись в помещении.

– Я заперся? – возмутился тот. – Это вы меня заперли!

– А кто поверит? – усмехнулся Прохор. – Сидите тихо, и всё будет хорошо.

– Ну, это вам так просто не пройдёт, – зашипел мужчина. – Смотрите, как бы вас потом случайно где-то не заперли. Открывай, мужик, я кому сказал!

– Не пугай, пуганых, – спокойно ответил Прохор, припечатав ладонью дверь для убедительности.

Он вернулся к Вере, взял её за руку. Они быстро поднялись наверх. Вера оглянулась на тяжёлую дверь.

– А если он выломает?

– Не выломает. Засов железный, дверь дубовая. А у нас есть время, пока его не освободила охрана.

Они вышли из башни и направились к тропинке, ведущей к Астагуэре. Солнце уже клонилось к закату, отбрасывая длинные тени.

– Ты это специально спланировал? – спросила Вера.

– Ну... – Прохор улыбнулся. – Когда я увидел эту дверь, подумал: почему бы не попробовать?

Она рассмеялась.

– А если бы он не пошёл за нами?

– Пошёл бы. Слишком настойчиво нас пас. – Прохор сжал её руку. – Всё, теперь мы одни. Так ведь спокойнее, Верочка?

Вера посмотрела на тропинку, уводящую к башне, и вдруг поймала себя на мысли: они приехали в Крым отдыхать. Лежать на пляже, плавать, ни о чём не думать. А вместо этого – опять загадки, снова поиски.

«Может, ну его? – мелькнуло в голове. – Может, просто оставить всё как есть?»

Прохор заметил её задумчивость.

– О чём думаешь, Верочка? – спросил он.

– О том, что мы опять ввязались в приключение, – призналась Вера. – А должны были просто отдыхать.

– А разве это не лучший отдых? – удивился Прохор. – Пляж, конечно, хорошо. Но ты посмотри, что происходит: дельфин приводит тебя к амфоре с гербом Поло, мы покупаем старую карту Тавриды – и на ней тот же герб. А впереди нас ждёт башня, где был Марко Поло... Это же всё не случайно?

Она прильнула к нему.

– Ты прав. Просто... иногда я сомневаюсь.

– Это нормально, – сказал Прохор. – Ну что, сыщица? Идём открывать тайны.

Они шагнули на тропинку, ведущую к старой башне.

У БАШНИ АСТАГУЭРА

Тропинка, которую они заметили ещё сверху, оказалась круче, чем казалось. Вера ступала осторожно, цепляясь за ветки можжевельника, торчащие из каменистой почвы. Прохор шёл следом, то и дело оборачиваясь – не смотрит ли кто с крепостных стен.

– Тихо, – шепнула Вера, когда они добрались до подножия. – Вроде никого.

Башня Астагуэра возвышалась перед ними массивным тёмным силуэтом. Вблизи она выглядела старше, чем все остальные сооружения крепости. Стены из грубо тёсаного камня, кое-где поросшие мхом, помнили не одно столетие. В одном месте кладка была аккуратно выложена, в другом – словно спешно восстановлена.

– И как нам туда попасть? – огляделся Прохор.

Они обошли башню, вглядываясь в стены. С западной стороны, у самого обрыва, заметили невысокую арку, почти скрытую нависшими кустами шиповника. За ней угадывался тёмный проём.

– Смотри, – показала Вера.

Они раздвинули колючие ветки. За аркой начинался узкий каменный коридор, уводящий вниз. Сырой воздух тянул из глубины запахом известняка.

– Внутрь горы, – тихо сказала Вера. – Это не башня. Это вход в подземелье.

Прохор провел рукой по стене у входа.

– Странная кладка, – заметил он. – Смотри, здесь идет шов, а за ним пустота. Будто внутри основного коридора есть второй, параллельный.

Вера прислонилась ухом к холодному камню. И ей послышался отдаленный гул – то ли ветер гулял в расщелинах, то ли осыпалась галька на склоне.

– Акустика как в ракушке, – сказала она. – Здесь, наверное, слышно каждое движение, но непонятно, откуда оно идет.

Прохор включил фонарик и посветил. Коридор уходил вниз ступенями, вырубленными прямо в скале.

– Ну что, – он обернулся к Вере. – Пойдём?

– Была не была, – согласилась Вера.

Они начали спуск. Ступени были скользкими, кое-где осыпавшимися. Вера держалась за стену, ощущая под пальцами холодный камень. Коридор трижды поворачивал, уводя всё глубже. Наконец он вывел их в небольшой зал с низким сводчатым потолком.

– Здесь была тюрьма, – прошептала Вера.

– Дальше не пробраться, – сказал Прохор, толкнув один из камней. Тот даже не шелохнулся.

Вера осветила завал фонариком. Камни были крупные, плотно пригнанные друг к другу. Разбирать их вручную –

полдня работы, не меньше.

– Может, есть другой путь? – спросил Прохор, оглядываясь.

Вера прошла вдоль стены, заглядывая в каждую трещину. В углу, за второй камерой, она заметила узкий проход, почти незаметный в полумраке.

– Сюда, – позвала она.

Проход оказался настолько узким, что пройти можно было только боком, втянув живот. Вера протиснулась первой, Прохор за ней. Каменные стены сжимали с двух сторон, дышать становилось всё труднее.

– Кто это строил, – проворчал Прохор, – явно не любил гостей.

– Зато любил подслушивать, – отозвалась Вера. – Здесь каждый шорох разносится по всем углам. И непонятно, откуда он.

– И зачем в такой тесноте делать двойные стены? – пробормотал Прохор, царапая спиной шершавый камень. – Слышишь? Вроде как ход второй параллельно идет.

Вера прислушалась. Действительно, за левым плечом, отделенная всего лишь слоем кладки, угадывалась пустота. И в этой пустоте звук разносился иначе, чем в их узком лазе. Если бы кто-то спускался сверху, она бы поняла это сразу.

«Башня-ловушка, – мелькнуло в голове у Веры. – Здесь можно слышать друг друга, но так и не встретиться».

Вера почувствовала, как замерло сердце. Ей показалось,

что сзади, из глубины коридора, донёлся звук. Тихий, но отчётливый – шаги.

– Тихо, – прошептала она, останавливаясь.

Они замерли. Секунда, другая... Тишина. Только где-то далеко капала вода.

– Послышалось, – неуверенно сказал Прохор.

Вера кивнула, но внутри всё сжалось. Она ускорила шаг.

Проход расширился, и они вышли в небольшой зал с низким сводчатым потолком – продолжение тюремного уровня. Здесь было три камеры. В первой – пусто, только ржавое кольцо в стене. Во второй – рассыпавшаяся деревянная скамья. Третья была завалена камнями.

Но Вера уже заметила то, что заставило её сердце биться чаще. На стене, рядом с завалом, виднелся едва различимый рисунок. Она поднесла фонарик ближе.

Три птички. Тот же знак, что на амфоре. Что на карте у продавца.

– Прохор, – позвала она. – Смотри.

Под знаком были выцарапаны буквы и цифры. Вера прочитала вслух:

– М.Р. 1271.

– Марко Поло, – выдохнул Прохор. – Он здесь был.

Сзади снова послышался звук. Теперь они оба его слышали. Кто-то спускался по коридору, которым они только что прошли.

– Фонарь выключи, – прошептал Прохор.

Вера щёлкнула кнопкой. Темнота накрыла их, густая и давящая. Шаги приближались. В свете фонарей, пробивавшемся из дальней галереи, на стенах затанцевали непонятные тени.

– Сюда, – прошептала Вера, хватая Прохора за руку и увлекая за один из каменных выступов.

Они застыли у холодной стены. Вера прижалась спиной к камню и вдруг ощутила едва заметное движение воздуха.

Она повела плечом – за кладкой была пустота. Вентиляционный канал? Или ещё один коридор? Она осторожно повернула голову, вглядываясь в швы. В неровном свете, просачивающемся из галереи, стало видно, что стена здесь сложена в два ряда: их зал и соседний ход разделяла всего одна вереница камней. Звуки проходили сквозь щели, как сквозь мембрану.

«Вот почему шаги звучат так обманчиво близко, – поняла Вера. – Преследователи идут по параллельной галерее, всего в метре от нас. Чтобы увидеть друг друга, нужно вернуться к развилке, до которой далеко».

Сердце колотилось так громко, что казалось, его слышно во всём подземелье.

Шаги остановились у входа в зал. Пауза. Кто-то тяжело дышал. Кто-то шмыгнул носом. Потом – скрип камня. Вера задержала дыхание. Прохор сжал её руку.

Ещё несколько секунд – и шаги начали удаляться. Медленно, неохотно, словно те, кто их делали, всё ещё сомнева-

лись. Потом – тишина.

– Кто это был?

– Не знаю, – прошептал Прохор. – Но нам нужно торопиться.

Вера снова включила фонарик и опустилась на колени перед завалом. Камни здесь были меньше, чем в предыдущей камере, и лежали не так плотно.

– Помоги мне, – сказала она.

Вдвоём они начали разбирать завал. Камни были скользкими от сырости, края острыми. Вера порезала палец, но не обратила внимания. Наконец, когда они сдвинули один из крупных камней, открылась небольшая ниша.

Внутри лежал кожаный свёрток, пожелтевший от времени. Вера бережно достала пергамент и развернула его на коленях.

В свете фонарика проступили линии, точки, значки. Карта. Старинная, подробная карта Тавриды. Но на ней были выделены только четыре места: Судак, обведённый кругом, и три галочки – гора Демерджи, Чуфут-Кале и Херсонес.

– Это карта Марко Поло, – Вера бережно держала кожаную карту. – Места обозначены такими же галочками, как в семейном гербе.

Но карта была не одна. Из свёртка выпало пять старинных монет – тёмных, с неровными краями, морские ракушки – и маленький ключ, потемневший от времени, с изящной головкой в форме трилистника.

Вера перевернула пергамент. На обороте ровным старинным почерком было выведено несколько потускневших строк. Но она узнала итальянский – язык, который учила в университете.

– «Кто найдёт, пусть идёт по этим знакам, – медленно, вглядываясь в буквы, прочитала она. – Там, где море встречается с небом, спрятано то, что мы берегли».

Она замолчала ненадолго. Потом перевернула карту обратно, провела пальцем по крестикам.

– Тогда завтра в путь, Прохор. С чего начнём?

– Сначала Демерджи. Маршрут на карте ведёт от Судака к этой горе. А там, где море встречается с небом, – пока загадка. Может, ответ найдём по пути.

Они еще раз оглядели тёмные стены камеры, выцарапанный знак, буквы «М.Р. 1271».

– Спасибо, Марко, – тихо сказала она. – Мы постараемся.

Место тайника они завалили камнями. Вера спрятала находки в рюкзак Прохора. Со стороны параллельной галереи завал выглядел как часть стены – не отличить.

И вдруг снова послышался звук. Теперь ближе. Кто-то определённо не хотел уходить из подземелья.

– Уходим, – шепнул Прохор, хватая её за руку.

Они двинулись обратно по коридору, стараясь ступать бесшумно. Вера то и дело оглядывалась, но за спиной была только тьма. Когда они добрались до узкого прохода, из боковой галереи донеслись приглушённые мужские голоса.

Незнакомцы были где-то рядом, но, кажется, ещё не вышли к основному коридору. Слов не разобрать, но интонация была напряжённой. Казалось, звук шёл отовсюду, но откуда именно, понять было невозможно.

– Быстрее, – выдохнул Прохор, подталкивая её вперёд.

Они протиснулись в проход, выбрались в первую камеру, оттуда – в коридор со ступенями. Вера поднималась вверх, уже не чувствуя ног. Прохор – за ней.

Когда они вывалились из арки наружу, в заросли шиповника, солнце уже клонилось к закату. Море внизу горело оранжевым и красным, вбирая в себя уходящий день.

Вера упала на колени, тяжело дыша. Прохор стоял рядом, вглядываясь в темноту арки.

– Тишина. Никто не идёт следом, – сказал он.

Они перевели дух. Вера посмотрела на свои руки – ладони были в ссадинах, на пальце запеклась кровь.

– Это был тот тип в кепке? – спросила Вера.

– Не знаю. Их было несколько, – покачал головой Прохор. – Но они точно знали, куда идти. И были там не случайно.

Прохор крепче застегнул рюкзак, где лежали карта, ключ, монеты, ракушки и взял Веру за руку.

– Ну что, Верочка, камин и шампанское ещё в силе?

Вера посмотрела на башню, на арку, из которой они только что выскочили, на тропинку, ведущую вниз.

– В силе, – ответила она. – Но сегодня мы пьём за Марко Поло.

ВЕЧЕР У КАМИНА

Гостиничный номер наполнился теплом и уютом. В камине потрескивали дрова, отбрасывая на стены пляшущие тени. На низком столике у камина стояло ведёрко с шампанским, бокалы, тарелка с виноградом и свечи, которые Вера зажгла, едва они переступили порог.

Прохор разлил шампанское по бокалам. Золотистые пузырьки затанцевали на свету.

– За успешный день, – поднял он бокал.

– За находки, – улыбнулась Вера, чокаясь.

Они сделали по глотку. Шампанское было холодным, чуть терпким, с привкусом миндаля. Вера откинулась на спинку дивана, вытянув уставшие ноги к огню.

– Ну, давай, – сказала она, ставя бокал на стол. – Выкладывай всё, что мы нашли. А то я уже начинаю думать, что это был сон.

Прохор развернул кожаный свёрток. На свет появились пергамент, монеты, ракушки, ключ.

– Карта, – Вера разгладила пергамент пальцами. – Смотри, какая детальная. Здесь всё: горы, реки, древние дороги.

Прохор склонился над картой, рассматривая линии и значки.

– Судак, – Вера провела пальцем по первой точке. – Мы здесь и выделено три места галочками: гора Демерджи; Чу-

фут-Кале; Херсонес.

– Впереди у нас – хороший маршрут, – одобрительно кивнул Прохор. – Демерджи – это недалеко, часа два езды. Там долина привидений, каменные грибы... Я читал, красиво. А Чуфут-Кале – под Бахчисараем, пещерный город. Тоже часа три-четыре дороги.

– А Херсонес – уже под Севастополем, – добавила Вера. – Туда ехать через весь Крым.

– Идеальный план, – усмехнулся Прохор. – Объедем пол острова.

Она взяла в руки ключ, повертела перед свечой. Тёмный металл тускло блеснул.

– Что это может быть? – задумчиво спросила она. – От шкатулки? От секретного ларца? Или, может, от двери?

– Судя по размеру, – Прохор взял ключ из её рук, взвесил на ладони, – скорее от шкатулки или небольшого сундучка. Слишком изящный для амбарного замка.

– Но где этот сундучок? – Вера перевернула ключ, разглядывая головку в форме трилистника. – В Херсонесе? Или там, где море встречается с небом?

– Пока не узнаем – не поймём, – пожал плечами он.

Прохор взял монеты в руки. Они были тёмные, с неровными краями, на одной едва угадывался профиль, на другой – какая-то надпись. Монет было пять.

Первая – самая крупная, тяжелая, из потемневшего серебра. На одной стороне Прохор разглядел крылатого льва с рас-

крытой книгой – символ Венеции. На другой – профиль бородатого мужчины в короне. Венецианский дукат. Такие чеканили во времена Марко Поло, и такие он, наверное, держал в руках, снаряжая корабли.

Вторая – поменьше, из золота, но почти чёрная от времени. На ней был изображён Христос с поднятой благословляющей рукой. Вокруг шла непонятная греческая надпись. Византийская монета. Такие чеканили в Константинополе, где Марко Поло останавливался по пути на восток.

Третья – тонкая, почти стёртая. На одной стороне угадывалась фигура всадника с копьём, поражающего змея. Прохор поднес монету ближе к свету. Всадник был похож на Георгия Победоносца – такие монеты чеканили в генуэзских колониях Крыма и на Руси.

Четвёртая – маленькая, тонкая, неправильной формы, будто её вырезали из более крупной. На одной стороне сохранилась часть арабской вязи, на другой – замысловатый узор, напоминающий переплетённые ветви. Прохор осторожно провел пальцем по шершавому металлу.

– Турецкая, – сказал он. – Или, скорее всего, ордынская. Здесь, в Крыму, такие ходили повсюду. Золотая Орда чеканила их в Солхате, недалеко от Судака.

Пятая – самая необычная. Не круглая, как остальные, а почти квадратная, с аккуратным отверстием посередине, словно её когда-то носили на шнурке. Металл покрылся зелёной патиной, но на поверхности всё ещё можно было раз-

глядеть тонкие линии иероглифов.

– Китайская, – выдохнул он. – Марко Поло дошёл до самого Китая. И привёз оттуда не только рассказы, но и монеты.

Вера взяла у него китайскую монету, повертела в руках, рассматривая отверстие и стёртые знаки.

– Значит, он действительно был там. Не только в легендах, но и на самом деле. И эти монеты – доказательство.

Вера разложила монеты на столе в ряд. Венеция. Константинополь. Крым. Золотая Орда. Китай. Пять монет – точки на карте, пять миров, которые связал воедино один человек.

– Семьсот лет в земле, – тихо сказала она, – а они всё помнят. Откуда пришли. И куда он шёл.

Она не знала тогда, что эти монеты скоро укажут ей путь. Что они станут не просто свидетельством прошлого, а ключом к будущему. Пока что для неё и Прохора это были просто старинные деньги – молчаливые свидетели великого путешествия, которое когда-то изменило мир.

Теперь Вера взяла в руки маленькие раковины, которые тоже лежали в свёртке. Пять морских ракушек. Первая – витая, похожая на башню. Вторая – гладкая, перламутровая, с розоватым отливом. Третья – с острыми рёбрашками, словно крошечный веер. Четвёртая – плоская, с коричневыми полосками, напоминающая щит. Пятая – закрученная спиралью, с нежными переливами цвета слоновой кости.

– Почему ракушки? Для чего? – Прохор взял одну, повер-

тел в пальцах.

– Может, просто украшение? Или талисман? Моряки часто брали в плавание ракушки – на удачу, – задумчиво произнесла Вера.

– Слишком просто, Верочка.

– Марко Поло прятал в тайнике всё это, конечно, не просто так. Здесь каждая вещь имеет значение, – покачала головой Вера.

Она поднесла ракушку к свету. На гладкой перламутровой поверхности угадывались какие-то царапины. Буквы стёрлись, но несколько можно было разобрать.

– Смотри, – прошептала она. – Здесь что-то выцарапано.

Прохор наклонился. На внутренней стороне перламутровой ракушки, почти незаметные, виднелись тонкие линии рисунка и буквы.

– Это не просто ракушки, – сказала Вера, чувствуя, как внутри загорается азарт. – Это подсказка. Может, они указывают на что-то в море? Или на берегу? Или... может, это части одной карты?

Она выложила ракушки на стол, разложила в ряд. Витая – похожа на башню, ребристая – напоминает горный хребет, плоская – словно печать, спиральная – как запутанный лабиринт, а на перламутровой – та самая стёртая надпись.

– Смотри, – Вера провела пальцем по одной, потом по другой. – Если их сложить определённым образом... Они могут указывать путь.

Она всмотрелась в едва различимые царапины на ракушке, провела по ним ногтем. Буквы не складывались в слово. Слишком мало, слишком стёрто.

– Здесь видны только заглавные буквы... – Вера прищурилась. – «L... K... T...».

Прохор опять взял у неё эту ракушку, повертел, но тоже ничего не разобрал.

– Возможно, это не наша загадка. Может, на пути встретится тот, кто сможет их прочесть.

– Ты прав, – сказала она. – Когда-нибудь мы узнаем, что они значат.

Прохор обнял её за плечи.

– Обязательно узнаем.

Вера положила ракушки на стол, к монетам и ключу. Она снова развернула пергамент, вглядываясь в линии.

– Смотри, – она показала на изгиб берега. – Здесь, у Херсонеса, море как будто уходит в небо. Или это просто рисунок? Там, где море встречается с небом...

– Может, это не про Херсонес? – задумался Прохор. – Какое-то другое место? Мыс, скала, откуда кажется, что море сливается с горизонтом.

– В Херсонесе есть такое? – Вера подняла глаза.

– Понятия не имею, – признался Прохор. – Но там античный театр, базилики, раскопки... Если что-то и прятали, то там.

Они помолчали. В камине стрельнуло полено, выбросив

сноп искр.

– А теперь про плохое, – сказал Прохор, отставляя бокал.
– Кто был в подземелье и следил за нами – мы не знаем. Тот тип в кепке или его союзники? Скорей всего – это были чёрные копатели. Они не бродили наугад. Они шли за нами. Они не знали о существовании параллельного хода, на который вышли мы случайно. Но они точно знали, что мы там.

Вера вздохнула.

– А чего им от нас нужно?

– Им от нас нужно то же, что и от любого, кто нашёл что-то раньше них: чтобы мы исчезли. Или чтобы отдали находки. Добровольно или нет – для них без разницы.

– А может, это был тот продавец с картами? – предположила Вера. – Слишком много знал про герб, про Поло...

– Но зачем ему следить за нами? Он сам рассказал легенду, сам продал карту. Если он ищет тайник, зачем привлекать конкурентов?

– Чтобы мы сделали всю работу, – пожала плечами Вера.
– Нашли тайник, а он просто придёт следом.

– Всё возможно, но пока...

– Значит, нам надо быть умнее, – Вера снова развернула пергамент, вглядываясь в значок у горы. – Не будем лезть туда, где нас могут зажать, закрыть. Будем на шаг впереди.

Прохор поднял бокал, чокнулся с Верой.

– Посмотрим, кто – кого. Привидениями нас не испугать. За Демерджи!

– За наш успех!

Вера отпила шампанского, откинулась на спинку дивана, глядя на огонь. В руке – ключ от неведомой шкатулки, на столе – амфора, монеты, ракушки и карта к неизвестному сокровищу. А впереди – дорога через весь Крым. И кто-то, кто идёт за ними по пятам. Ух, но не привыкать...

Она усмехнулась своим мыслям и положила ключ на стол. Прохор взял её руку, переплёл пальцы.

– О чём задумалась, Верунь? – тихо спросил он.

– О том, что мы опять ввязались в приключение, – ответила Вера. – А должны были просто отдыхать в Тихой бухте.

– С тобой отдых всегда превращается в заманчивое приключение, – улыбнулся Прохор. – А мне, если честно, раскрытие тайны нравится даже больше, чем лежание на пляже. Особенно когда тайна связана с Марко Поло и древними картами.

Она улыбнулась и прильнула к нему, чувствуя, как тепло его рук смешивается с теплом камина. Шампанское на губах смешалось с жаром поцелуя, и Вера закрыла глаза, позволяя тревогам и сомнениям растаять, исчезнуть, словно теней в подполье никогда и не было. Они целовались, пока последняя свеча не догорела, оставив комнату во власти мерцающих углей и тягучего полумрака.

Долго сидели молча, обнявшись, глядя, как умирает огонь, превращаясь в серый пепел. Вера слушала, как бьётся сердце Прохора – ровно, спокойно, надёжно. И её собствен-

ное постепенно успокаивалось, забывая о шагах в подземелье, о чужих тенях, о том, что завтра их ждёт новая дорога.

За окном шумело море. Ветер доносил успокаивающий запах соли и можжевельника.

ТАЙНА ПЕРЛАМУТРОВОЙ РАКУШКИ

Гостиничный номер погрузился в полумрак. Угли в камине догорали, отбрасывая на потолок слабые багровые отсветы. Вера спала, укрывшись пледом, голова покоилась на плече Прохора. Ей снилось море.

Она стояла на высокой скале, а внизу о камни билось чёрное, тяжёлое море. Ветер трепал волосы, бросал в лицо солёные брызги. Небо было низким, серым, сливалось с водой у горизонта.

Она не знала, как здесь оказалась. И не знала, как вернуться.

– Не бойся, – раздался голос за спиной.

Вера обернулась. На скале, чуть выше, стоял человек. Длинный тёмный плащ, потёртый на плечах, дорожная сумка через плечо. Лицо скрывал капюшон, но Вера почему-то знала, что он улыбается.

– Кто вы? – спросила она.

Человек скинул капюшон.

Перед ней стоял мужчина лет пятидесяти, с острым, волевым лицом, глубокими морщинами у глаз и короткой се-

деющей бородой. Его глаза – тёмные, живые, внимательные – смотрели на Веру с любопытством.

– Тот, кого ты помнишь сердцем, но забыла разумом, – сказал он.

Вера замерла. Она узнала его. Но не по портрету. И не по описаниям. Она узнала его так, как узнают человека, которого ждала всю жизнь, сама об этом не догадываясь.

– Ты – Марко Поло, – выдохнула она.

Он кивнул.

– А ты – моя мечта. Спустия столько лет. Несмотря на время, ты пришла...

Вера хотела возразить, сказать, что это невозможно, что она всего лишь туристка, приехавшая в Крым отдохнуть. Но слова застряли в горле. В глубине души она всегда это знала. Иначе, зачем бы её так тянуло к старым картам, к итальянскому языку, к запаху моря и можжевельника?

– Зачем ты позвал меня? – спросила она.

Марко сделал шаг к ней. Ветер стих, словно природа затаила дыхание.

– Я не звал, – сказал он и протянул ей букет крымской лаванды. – Ты сама пришла. Потому что пришло время.

Вера взяла лаванду. Запах был таким живым, таким настоящим, что у неё закружилась голова. И в нём вдруг проступило что-то другое – запах восточных пряностей, старого пергамента и морской соли.

– Я знаю тебя, – сказала она, и голос её дрогнул. – Не из

книг. Не из легенд. Я знала тебя... раньше.

Марко улыбнулся. В его глазах блеснула влага.

– Ты была другой, – тихо сказал он. – В другой жизни. В другой стране. Тебя звали... – он замолчал, словно боялся нарушить что-то хрупкое.

– Как? – прошептала Вера.

– Лавиния, – выдохнул он. – Лавиния Кантарини. Дочь купца из Венеции, что торговал с Персией. Твои волосы всегда пахли лавандой.

Вера прижала букет к груди. В голове вспыхивали обрывки, не картины даже – чувства. Тёплый вечер на канале. Чьи-то руки, перебирающие струны лютни. Шёпот. И его лицо – молодое, без морщин, с горящими глазами, которые смотрели только на неё.

– Мы любили друг друга, – сказала она.

– Больше, чем жизнь, – ответил Марко. – Но твой отец не хотел отдавать тебя за купца. Он готовил для тебя другую судьбу – дожа, знатного вельможу. А я уходил с отцом и дядей в далёкое плавание. В Персию. В Крым. В далёкий Кайтаг. Но надеялся, что твой отец передумает.

– Но он не передумал, – тихо сказала Вера.

– Он выдал тебя замуж, пока меня не было, – голос Марко стал глуше. – Я узнал об этом в Солдае, когда вернулся... Ты всегда говорила, что будешь помнить. Что лаванда будет напоминать тебе о наших встречах. И что если когда-нибудь моя кровь встретит твою кровь на этой земле – я сразу пой-

му, что это ты вернулась. Спустя века.

Он достал из-под плаща ракушку и передал ей – ту самую, перламутровую, которую Вера держала в руках несколько часов назад. В свете низкого неба на её поверхности проступили буквы, которые днём казались стёртыми.

– Ты подарила мне ракушку перед отплытием, – сказал Марко. – Сказала: «Пусть она хранят тебя в море. А когда вернёшься – мы вместе расшифруем её тайну». Я вернулся. Но тебя уже не было.

Вера провела пальцами по ракушке. Внутри, под слоем перламутра, проступил женский профиль и слова, которые она не разглядела вечером. Теперь же они были ясными, чёткими – словно время не стёрло их, а только спрятало до нужного мгновения.

– Я вырезал их в память о тебе, – сказал Марко. – А потом спрятал ракушку в тайнике, которую сможет найти только та, чья кровь помнит. Ты пришла, Лавиния. Спустя семьсот лет.

Он передал ей сверток-письмо. Вера развернула его и взгляделась в буквы. Они складывались в слова, слова – в строки. Она читала медленно вслух, и голос её звучал чужим, древним, но таким родным языком:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.